

Международная Сахаровская Конференция

Сорок Лет после Выхода статьи Андрея Сахарова «Размышления о прогрессе, Мирном Существовании и Интеллектуальной Свободе» : Россия Вчера, Сегодня и Завтра

Конференция посвящённая 40-летней годовщине статьи Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе» состоялась 24-25 октября 2008 года в городе Кембридж штата Массачусетс. Конференция была организована совместно: Сахаровской программой по Правам Человека, при Дэвисовским центре Гарвардского университета, Кафедрой Физики Гарварда и Фондом Андрея Сахарова (США).

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Тимоти Колтон - Профессор кафедры изучения работы правительства и по изучению России и Евразии с 1992 года. Среди многочисленных публикаций профессора Колтона «Дилемма Реформы в Советском Союзе» (1986); «Москва: Управление Советским Метрополисом» (1995); «Ельцин: Биография» (2008).

Меня попросили сделать краткое, но не формальное приветствие к открытию этой конференции. Я очень рад, что вы все собрались в этом зале. Редко случается, что под одной крышей собираются не только люди, которые изучают историю, но и те, кто её делают, в атмосфере, которая способствует серьёзным размышлениям, если только мы не задремлем в этих мягких удобных креслах. Ну что ж давайте же попробуем остаться бодрыми и внимательными в этом уютном зале, и это на самом деле будет совсем нетрудно, поскольку наша тема настолько интересна, важна и своевременна, несмотря на то, что Андрея Сахарова уже нет с нами почти 20 лет, хотя в это и трудно поверить.

Я по профессии политолог, и я мало знаком с естественными науками, тем более с физикой. Но есть предмет, о котором я кое-что знаю - способность «вести других вперёд», и если кого-нибудь вроде меня спросить, какое слово первым придёт в голову, если кратко охарактеризовать Сахарова и его дело жизни, первое слово, которое придёт в голову, это «лидер». Он был выдающимся лидером. Но лидером особого сорта, потому что он, конечно, не был обычным политическим или государственным лидером. Он, как нам всем здесь известно был действительным членом Академии Наук СССР, а также членом 1989 Съезда Народных Депутатов, весьма необычной организации. Так что Сахаров в разные моменты своей жизни представлял людей, но никогда не занимал высокого официального поста.

Роберт Такер, выдающийся исследователь Советской истории, после ухода на пенсию написал книгу, в которой он обрисовал различие между «формальными лидерами», занимающими посты, формально записанные в конституции, и «неформальными лидерами». Такер отметил, что мы склонны слишком высоко оценивать роль лидеров первого типа и недооценивать лидеров второго типа. Он привёл как пример лидера второго неформального типа в нашей стране Мартина Лютера Кинга, который, насколько я знаю, никогда не занимал никакого официального поста, и уж точно никакой политической должности, но при этом сыграл огромную роль в Американской истории двадцатого века. Так что, можно рассматривать, хотя и весьма приближённо, Мартина Лютера Кинга американским аналогом Андрея Сахарова, хотя, конечно, Кинг не был учёным. И тут самое время бросить взгляд на широту и разнообразие деятельности Сахарова. Наша программа сегодня и завтра составлена так, чтобы показать несколько или, даже лучше выразиться, множество сторон жизни Сахарова. Я не пытаюсь сказать, что мы здесь сумеем просуммировать и подытожить его вклад, но, надеюсь, что мы попытаемся поразмышлять о разных сторонах его деятельности и попробовать извлечь из неё некоторые уроки.

Мы собрались здесь по случаю 40-летия со дня публикации «Размышлений о прогрессе, Мирном Существовании и Интеллектуальной Свободе». В этом году исполняется также 20 лет со дня выхода ещё одной важной публикации Сахарова – статьи «Неизбежность перестройки», краткой, но имевшей большое значение. Эти две статьи разделённые двадцатью годами естественно обрамляют нашу программу.

Сахаров, таким образом представляет непростую фигуру. Уже написаны, на мой взгляд, неплохие книги о нём, не говоря уже о его собственных мемуарах. Я уверен, что будет ещё много написано глубоких исследований его жизни в будущем. Интересно и важно помнить, что он прожил всю свою жизнь в советское время. Я как-то даже не думал об этом, пока не взглянул на даты его жизни. Он родился через три года после большевистской революции. И умер почти точно за два года после распада Советского Союза. Так что он весь как бы размещается в этом одном советском периоде. Но во всех других отношениях он гораздо более широкая фигура, отразившая тенденции мировой культуры и цивилизации, несмотря на то что он всю жизнь прожил в одном месте и одной эпохе. Так что мы имеем дело с личностью экстраординарного масштаба.

Этот масштаб и собрал нас здесь сегодня, не говоря уже о том что Сахаров говорит не только об истории, во многом трагической, своей страны, хотя и поразительно изменившейся после его смерти, но он также обращается к общим вопросам выживания человечества.

Наша конференция представляет совместный проект трёх организаций: 1) Кафедры Физики Гарвардского университета, представленной в первую очередь профессором Ричардом Уилсоном; 2) Дэвисовского центра изучения России и Евразии Гарварда, где я

всё ещё состою директором, а Татьяна Янкелевич руководит сахаровской программой по правам человека 3)Фонда Андрея Сахарова, Президент которого Эд Клайн, сидит здесь передо мной. Ещё я бы хотел отметить вклад USAID, чья поддержка сахаровской программы в целом и помощь в организации нашей конференции была очень важна. Планируя своё выступление здесь, я задумался, а как Сахаров бы воспринял то что произошло за эти годы, прошедшие после его смерти. Его уже не было в живых, когда Советский Союз распался. Одобрил ли бы он происшедшее? Ответ на этот вопрос не очевиден. Он хотел, чтобы СССР реформировался и занял бы своё место в мейнстриме цивилизации. Неясно, одобрил бы он распад СССР на 15 независимых государств. Может быть, Елена Боннер прольёт сегодня немного света на этот вопрос, по которому у неё есть серьёзные сомнения? Каково бы было его мнение о шоковой терапии? О войнах в Чечне? А так как он всегда себя ощущал и гражданином мира, чтобы он подумал об Абу Граиб? О Гуантанамо? Мы попробуем коснуться этих вопросов завтра, а сейчас мы открываем первую сессию, в которой я буду председателем.

Панель №1 – Публикация Статьи Андрея Сахарова «*Размышления о прогрессе, Мирном Существовании и Интеллектуальной Свободе*»: Контекст, Реакции и Последствия.

Панелисты и темы:

Тимоти Колтон – *Председатель сессии*

Ричард Уилсон – *Реакция западных учёных*

Павел Литвинов - *Реакция советской интеллигенции*

Юрий Орлов – *Политические взгляды советских учёных в 50-е и 60-е годы*

Питер Реддевей – *Реакция советских властей*

Тимоти Колтон

Первым будет выступать выдающийся физик, пришедший в Гарвард из Англии профессор Ричард Уилсон. (*После того как он получил докторат в области ядерной физики Ричард Уилсон пстал профессором физики в Гарварде, где он занимался научными проблемами, связывающими риск и общественную политику, был председателем комитета Американского Физического Общества по последствиям Чернобыльской катастрофы 1986 года. Доктор Уилсон – член Американской Академии Искусств и Наук, а также директор фонда Андрея Сахарова.*)

Ричард Уилсон

В 1958 году я участвовал в Женевской конференции по физике высоких энергий. В это время в Женеве шли дискуссии на тему о Договоре об ограничении испытаний ядерного оружия. С американской стороны научную и техническую сторону представлял Профессор Ганс Бёте, с Российской стороны – Профессор Игорь Тамм. Мы на американской стороне знали, что Ганса Бёте выбрали не только из-за его знаний в области ядерных вооружений и его выдающегося таланта (он лауреатом Нобелевской премии), но и потому что он был человеком доброй воли. Но про Игоря Тамма мы тогда ещё знали мало, и не знали причин, почему именно его выбрали, в качестве представителя советской стороны. Но мы знали, что Тамм – альпинист, и некоторые из нас, я, Питер Гильман, Вольфганг «Пиф» Панофски и Боб Хофстадтер, предложили взобраться на какую-нибудь не слишком высокую гору, например вершину Пеле, неподалёку, к северу от Лозанны. Пока мы поднимались, Игорь рассказывал нам о своей жизни, о своей недавней поездке в Китай и разные интересные истории. В какой-то момент этого разговора он заметил: «У меня есть один студент, он способней, чем я. Запомните это имя: Андрей Дмитриевич Сахаров.»

Вероятно, в результате известной речи Президента Эйзенхауера «Атомы для мира», отношения между Советскими и Американскими учёными стали улучшаться, в особенности в области ядерной физики и физики элементарных частиц. Начиная с 1955 года, Российские статьи стали посылаться в Американское Физическое общество сразу после их одобрения для публикации и Американское Физическое общество организовывало их перевод. Статья Сахарова «Первоначальная стадия расширяющейся вселенной и появление неоднородного распределения материи» появилась в советском Журнале экспериментальной и теоретической физики в 1965 года без указания адреса автора. Мы уже знали, что это означает. Поэтому для некоторых из нас, в том числе для меня сообщение в Нью Йорк Таймс о статье Андрея Сахарова «*Размышления о Прогрессе, Мирном Существовании и Интеллектуальной Свободе*» 11 июля 1968 года и последующая публикация 22 июля 1968 года полного текста статьи не было полной неожиданностью.

В это время я находился в Аспене, штат Колорадо, где я работал над экспериментальным проектом ускорителя элементарных частиц в 350 ГЭВ в ФЕРМИЛАБ. Я немедленно стал обсуждать «*Размышления*» с моими коллегами. Я позвонил Бернарду «Берни» Фелду, который был один из ведущих членов Пагуошского комитета. Я не член Американской Национальной Академии Наук, но многие мои коллеги друзья состояли в ней, и они (в особенности Роберт «Боб» Вильсон) пообещали поставить её немедленно на повестку дня в Академии. Но публичное обсуждение не началось ещё в течение нескольких недель. Тем временем надвигались другие события.

В 1945 году Советские войска вошли в Чехословакию, и Чехи и Словаки встречали их как освободителей. Когда они вновь пришли туда в 1968 году, их уже встретили как оккупантов. Может быть, немедленная реакция западных учёных на статью Андрея Сахарова предотвратила бы катастрофу Советского вторжения?

В сентябре 1968 года в Вене проходила конференция по Физике Высоких Энергий. Я там встретился с чешским физиком, забыл его фамилию, он до этого работал в Дубне, и только что он уехал из Чехословакии навсегда. Он рассказал мне, что мой друг Бруно Понтекорво, который тогда был советским гражданином, горячо выступил в поддержку Чешского «Альтернативного Пути к Коммунизму». Я видел Понтекорво с тех пор только один раз в 1978 году и он лежал с высокой температурой и у нас не было возможности для обсуждения этих вопросов.

В том же сентябре 1968 года у меня состоялся интересный разговор с Петром Капицей, когда тот приехал в Гарвард с женой Анной. Это был его первый приезд в Америку с 1934 года! В своих публичных выступлениях Пётр был осторожен, когда разговор заходил о вторжении в Чехословакию, но в частном он сообщил мне, что решение послать войска прошло в Политбюро большинством в один голос. Он также сказал, что он согласен с сахаровскими «Размышлениями», хотя сам он предпочитает «работать внутри системы». Может быть, этот единственный голос в политбюро изменился бы на противоположный, в ответ на положительную реакцию на Западе(?)на голос Сахарова.

В Вене статья Сахарова практически не обсуждалась. Никто не послал письма в поддержку. Почему промолчали специалисты по физике высоких энергий, хотя они казалось бы представляли из себя группу, наиболее способную понять мысли Сахарова? Я не могу отвечать за всех, но отвечаю за себя. У нас у всех были дружеские отношения с советскими физиками, отношения, ограниченные лояльностью к своим странам, но тем не менее это всё же было дружбой. Я, например, познакомился с Юрием Орловым на конференции по физике высоких энергий в Дубне летом 1964 года, и он нас тогда жёстко критиковал по поводу инцидента в Тонкинском заливе. Мы тогда думали, что это была запланированная атака на ВМФ США. Орлов считал это фальшивкой и оказался прав. Я знал в 1968 году, что Орлов и многие наши русские друзья были согласны с мыслями Андрея. Вторжение в Чехословакию показало ограниченность их влияния. Что же отличало Андрея Сахарова?

Мы этого не поняли тогда, и прошло четыре года, пока нам стала ясно насколько Андрей был другим. Он был решительным человеком, и, когда он решил действовать, он поставил на кон всё. Я начал это понимать, наверное, когда Андрей вошёл в зал, где происходила международная конференция по Биохимии и Генетике и обратился к учёным с просьбой потребовать у советских властей освобождения Жореса Медведева из психиатрической больницы. Я в то время ничего не сделал и поехал на конференцию по физике высоких энергий в Киеве, где опять никто не обсуждал «Размышления». Конечно, я аплодировал, когда Андрей был награждён Нобелевской премией мира. Но я ничего не делал до того момента, когда Орлов и Щаранский были посажены в тюрьму в 1977 году.

Я познакомился с Андреем и Еленой в мае 1979 года. Я никогда не забуду этого дня. Одна фраза Андрея поразила меня: «Были, наверное, сотни людей, которые пытались

сделать то, что я делаю сейчас, но мы, никогда ничего о большинстве из них не узнаем.» Я понял, что он говорил о тех, кого так или иначе ликвидировали. Андрей понимал свою силу и влияние и решил использовать это полностью, чтобы помочь другим, таким как Юрий Орлов, который провёл 7 лет в лагерях и затем несколько лет в ссылке. Я рад, что Юрий здесь в этом зале с нами сегодня. Я помню, как много лет назад мой друг Таня Капица сказала: «Один процент наших друзей просто исчез.»

Холодная война продолжалась ещё более 18 лет до Рейкьявического Саммита осенью 1986 года, а затем была Московская Конференция в феврале 1987 года, организованная Евгением Велиховым, которую я всегда называю «Конференция за мир без ядерного оружия» (её официальное название – «Форум за Безъядерный Мир и выживание человечества»). Тогда Горбачёв освободил Сахарова и попросил его приехать в Москву для участия в этой исторической конференции. После Рейкьявической встречи Рейгана-Горбачёва оставалась ещё пара неразрешённых спорных вопросов, от решение которых зависел мир во всём мире. Горбачёв отказывался от окончательных переговоров, пока США продолжает работать над СОИ (антибаллистической противоракетной защитой) и продолжает производство атомных бомб. В течение пяти минут Сахаров выступил по первому вопросу (независимо я и Джерри Визнер из МТИ отчасти независимо друг от друга поддержали его точку зрения). Я спросил: «Зачем СССР должен беспокоиться, если США выбрасывает свои деньги на ветер?». По второму вопросу один западно-германский политик заявил: «Вместо испытаний бомб давайте испытывать Горбачёва». К сожалению США продолжали испытания, но через месяца они были прекращены, и после этого Горбачёв подписал историческое соглашение.

Сейчас отношения между Россией и США опять ухудшились. Президент Буш обвинил Путина в возобновлении холодной войны. Некоторые наоборот считают, что это Буш попытается начать холодную войну, расширяя НАТО в Украину и Грузию и планируя противоракетную оборону в Польше и Чехии. Много книг и диссертаций будет написано на тему, кто начал новую холодную войну. Но ответ на этот вопрос не так уж важен. Важно понимать разницу между этими двумя войнами. Первая холодная война была борьбой за политический контроль над миром. И здесь американский оптимизм, надежды и щедрость после Второй мировой войны давали США преимущество. Но ни капитализм, ни коммунизм не вышли победителями в холодной войне. Победителем оказалась бюрократия. Новая холодная война – это война за природные ресурсы, и руки США связаны в этой войне. США импортирует нефть и многие минералы. Россия поставляет от 30 до 40% нефти и газа в Европу. Бывший Генеральный секретарь ОПЕК, Аднан Шихаб Элдин, специалист по ядерной химии в университете Беркли, заметил, что когда член конгресса США делает резкий комментарий по поводу Ирана, причём неважно прав он или неправ, цены на нефтяные фьючерс растут. Прибыли России растут, и Америка проигрывает, и России для этого ничего даже не нужно говорить или делать, чтобы это случилось. Для меня как американца ясно, что Америке Россия нужна. Я надеюсь, что и

России нужна Америка. Я призываю всех обратить внимание на это простое короткое слово: НЕФТЬ. Причина нашего процветания и корень стольких зол.

Интересно, что бы сказал об этом Андрей Сахаров. И России и США нужен его интеллект, его гуманизм, его терпение, его способность противостоять бюрократии и власти и сказать: «Нет!»

Тимоти Колтон – *Директор Дэвисовского центра по изучению России и Евразии*

Мне здесь выпала честь представить вам Павла Литвинова. Большинство присутствующих здесь знают это имя. Литвинов - физик по образованию, но внимание мира он привлёк своей ролью как гражданин, в особенности своей замечательной демонстрацией на Красной площади против советского вторжения в чехословакию в 1968 году. Вместе с небольшой группой единомышленников он поднял плакат с надписью «За Вашу и Нашу Свободу» и они, разумеется, заплатили за это серьёзными наказаниями: арестом, судом, ссылкой, а некоторые из них и лагерем и принудительным помещением в психиатрические больницы. В 1974 году Павел эмигрировал из Советского Союза и поселился в Америке, где он жил и преподавал математику и физику в Хакли скул. Павел расскажет нам о реакции советского общества на статью Сахарова.

Павел Литвинов – *Внук Сталинского Министра Иностранных дел Максима Литвинова. Сослан в Сибирь в 1968 году за организацию демонстрации против Советского вторжения в Чехословакию, в 1974 году Литвинов эмигрировал в США, где преподавал физику и математику в Хакли Скул в Тэrrритауне, штат Нью Йорк, откуда он вышел на пенсию в 2006 году. Находясь за границей, он продолжал выступать в поддержку Советских правозащитников и участвовал в редколлегии издательства «Хроника». В декабре 2008 года он был награждён Владимиром Лукиным, Уполномоченным по правам человека Российской Федерации. медалью «Спешите Делать Добро»*

Прежде всего, пожалуйста, не называйте меня физиком, по крайней мере в одном предложении с Андреем Сахаровым, поскольку мои заслуги в области физики весьма скромны. Я практически не работал как физик с тех пор как я потерял преподавательскую работу в институте Тонкой Химической Технологии и был исключён из аспирантуры в начале 1968 года. С того времени моей единственной связью с физикой было моё преподавание.

Моя жизнь пересеклась с жизнью Андрея Дмитриевича Сахарова до того как мы лично познакомились. Я был одним из ранних лидеров «советских диссидентов», хотя мы себя так в то время не называли. Это выражение появилось позже. Мы предпочитали выражение «правозащитники». В 1965 началось движение в защиту прав человека, записанных в Советской конституции и Универсальной Декларации Прав человека. Мы

писали письма с протестами против нарушения прав человека, о положении политзаключённых, о советской цензуре, о заключении людей в психиатрические лечебницы за их политические убеждения. Движение развивалось, и 1968 год был одним из его пиков. К этому времени я уже потерял свою преподавательскую работу и был полностью вовлечён в так называемые *самиздатские* публикации. Вместе с другими я подготовил к публикации и распространил в России и за границей несколько книг. Но одним из моих важнейших дел было в то время встречаться регулярно с иностранными корреспондентами в Москве и передавать им самиздатские материалы, главным образом письма протеста. Сотни людей тогда подписывали такие письма после ареста Синявского, Даниэля, Гинзбурга, Галанскова, Буковского и многих других.

Надо напомнить, что в то время почти единственным способом копирования *самиздатских* материалов для их распространения было употребление незамысловатого инструмента, которые называется «пишущая машинка». Ещё не существовало персонального компьютера, копировальные машины типа ксерокс были почти неизвестны, а когда они появлялись, то были под строгим контролем властей. Так что не считая «разговора на кухне» с друзьями, единственным способом выразить свои мысли о советских проблемах было напечатать их на машинке, причём на механической (электрические тогда ещё были почти неизвестны), используя копировальную бумагу, чтобы сделать несколько копий. Большинство из присутствующих здесь в зависимости от вашего возраста, наверное, пользовались сами пишущей машинкой и слышали о копировальной бумаге, но я как учитель уже знаком с молодёжью, которая никогда машинку не видела, и им надо было объяснять, что это такое. В этой аудитории этого делать не надо, но я хотел просто напомнить, как это происходило тогда.

КГБ – Советская тайная полиция – и советские власти в целом не хотели серьёзных общественных дискуссий за исключением тех, которые они сами официально организовывали и публиковали в советских газетах и журналах. Цензура *каждого* печатного слова в Советском Союзе была абсолютной. Существовали периодические издания такие как «Новый Мир» и «Литературная Газета», где иногда разрешались дискуссии, конечно, строго ограниченные. И в 60-е годы возник «Самиздат» - распространение перепечатанных на машинке рукописных материалов.

Я был одним из ранних участников-активистов диссидентского движения. Андрей Амальрик и я были первыми «офицерами прессы» Движения за права человека, как в шутку нас определил Амальрик. Мы регулярно встречались с иностранными корреспондентами и передавали им самиздат, который вывозился из страны, печатался в Нью Йорк Таймс, Ле Монд и других западных изданиях, затем передавался на русском языке и некоторых других языках СССР Радио «Свобода», «Голосом Америки» и ВВС обратно в Советский Союз, так что множество людей, которых были вне круга непосредственных читателей самиздата, смогли услышать по радио эти материалы.

В 1968 году мой знакомый физик из Обнинска Валерий Павлинчук привёз мне рукопись статьи, которая называлась «Размышления о о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» и была подписана физиком Андреем Сахаровым. Я слышал о Сахарове, но почти никто в России, если он не имел отношения к физике, этого имени тогда не слышал, потому что Сахаров принадлежал к супер-секретной категории учёных, живших в не показанных на картах городах, где производились исследования, связанных с вооружениями. Даже в официальном справочнике АН СССР было сказано только «Андрей Сахаров, действительный член Академии Наук, Отделение Технических Наук. Физики обсуждали его немногие опубликованные в открытой печати работы. Я помню, что слышал о его работе по теории магнитного термоядерного реактора, известного сокращённо как «Токамак», когда я учился в МГУ.

Его работы по термоядерному оружию были полностью засекреченными и даже не упоминались. Но кое-что ещё о нём мы слышали: мы знали, что Сахаров выступал на заседаниях АН против худших политиканов от науки, выдвинутых влиятельнейшим лже-учёным и негодяем Трофимом Лысенко. Вот и всё что большинство физиков знали о Сахарове. И тут я неожиданно получаю статью Сахарова: мне в Москву из Обнинска привёз её мой друг физик Валерий Павлинчук, который в свою очередь получил статью от биолога Жореса Медведева, который, как и его брат-близнец историк Рой Медведев были лично знакомы с Сахаровым. Павлинчук сказал, что Сахаров просил передать статью мне. Я спросил Павлинчука, что я могу делать с рукописью. Что Сахаров ожидает от меня? Он мне ответил: «Сахаров хочет, чтобы ты её прочитал.» Я спросил: «Значит ли это, что он хочет, чтобы она пошла в самиздат и соответственно попадёт и будет опубликована за границей». Да-да, конечно», - ответил Павлинчук. На этом наш разговор о статье Сахарова закончился.

Я прочитал статью Сахарова в тот же вечер, и затем принёс её Амальрику. Мы оба были потрясены появлением этой статьи; но в тот момент она поразила нас не своим содержанием. По тому времени для меня и для Амальрика и для многих в нашем кругу она казалась политически довольно умеренной по уровню критики советского режима: мы были гораздо радикальнее в нашем отвержении коммунистических идей. Я никогда не определял себя как «анти-коммунист», я не люблю этого слова, но мы (большинство диссидентского круга) уже полностью отвергали советский режим к тому времени. Некоторые из наших друзей, как например, Пётр Якир и Пётр Григоренко, ещё употребляли своего рода официальный советский язык для критики советского режима в своих обращениях к властям и в самиздатских публикациях, но и они быстро избавлялись от этой привычки.

Что поразило нас в этой статье, - это то что она была написана и подписана Сахаровым, крупным учёным, человеком из истеблишмента, близкого к высшим кругам советского руководства. Это казалось невероятным. Для многих важным оказалось также и то, как это ни удивительно, что Сахаров не был евреем, напротив он был этническим русским.

Он открыто выразил свои идеи о ценности интеллектуальной свободы, об угрозе самому существованию человечества, об опасности ядерной войны, о необходимости сотрудничества между народами и он говорил об обеих сверхдержавах, СССР и США на одном уровне. Было ясно, что человек высказывается после серьёзных размышлений на эти темы. Я чувствовал, как это важно, чтобы статья Сахарова получила широчайшее возможное распространение.

Каждую субботу, Андрей Амальрик и я встречались с нашим другом, Карелом Ван Хет Реве, московским корреспондентом голландской газеты Хет Парооль, котрому мы передавали самиздат. Это был бесстрашный человек, гораздо смелее большинства иностранных корреспондентов в Москве. Я дал ему «Размышления», и он был потрясён этой работой так же как и мы с Андреем Амальриком. Карел начал немедленно переводить статью на голландский язык и прочитал свой перевод по телефону в Амстердам в свою газету, надеясь, что телефонные цензоры в Москве не понимают по-голландски. Первая публикация статьи Сахарова была по-голландски в Хет Парооль 6 июля 1968 года. Карел также передал копию статьи Рею Андерсону, тогда молодому и ещё не очень опытному корреспонденту Нью Йорк Таймс. Рей принёс статью для совета Генри Шапиро, главному корреспонденту Юнайтед Пресс Интернешнл в Москве, старейшине западных корреспондентов в Москве, который отличался крайней осторожностью и сказал Андерсону: «Это подделка. Никакого Сахарова не существует. Литвинов сам написал эту статью. Не вздумай пытаться её опубликовать. Это плохо кончится.» К чести Андерсона, поколебавшись некоторое время, он отослал статью в Соединённые Штаты, где Нью Йорк Таймс опубликовала её 22 июля. Статья стала мировой сенсацией. В 1968-69 году более 18 миллионов её копий было напечатано по всему миру на многих языках.

Сегодня мы можем проследить за эволюцией идей Сахарова со времени написания им «Размышлений». После того как ему запретили работу в области вооружений, и он покинул мир советской номенклатуры, он постепенно становился в большей и большей степени правозащитником. Власти перестали его слушать как одного из своих, и он стал диссидентом, и превратился в одного из лучших и храбрейших активных диссидентов правозащитников. Но все годы, которые он занимался защитой прав человека и критикой советского режима, он никогда не переставал думать о проблемах мира в целом, о мире среди народов. Перечитайте сейчас «Размышления», и вы увидите, что мысли, впервые высказанные Сахаровым в этой работе, остаются среди важнейших и сегодня. Это вопросы экономических систем, опасности ядерной войны, мирного использования ядерной энергии, толерантности в отношении разных идей, прав человека. Сахаров был великим миротворцем. Я не перестаю поражаться великому вкладу, сделанному Сахаровым и жизнеспособности его идей.

Сегодня мне ясно, насколько впереди своего времени был Сахаров, и как сильно он от всех нас отличался в некоторых отношениях. Я уже упоминал, что ко времени моего

знакомства с «Размышлениями» я уже отказался от марксистско-ленинского видения мира и пришёл к идеям ненасильственного сопротивления советскому режиму, от которого мы требовали, чтобы он соблюдал свои собственные законы и международные обязательства, которые он добровольно взял на себя. Мои идеи были сродни и отчасти сформировались под влиянием идей Льва Толстого, Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга. Я отвергал советский социализм и верил в преимущества рыночного капитализма, но главным образом я, как и большинство диссидентов моего поколения, полагал, что необходима прежде всего политическая свобода, а при ней люди сами решат какого типа экономическую систему им нужна.

Подход Сахарова, как я сейчас понимаю, в некотором смысле был иным. Он был по своей сути *государственником* в лучшем смысле этого слова. В какой-то степени это было частью его личности. Но, я верю, что также важно и то, что он лично знал систему и её руководителей, советское руководство. У него был «доступ», и он пытался найти путь, как добраться от сегодняшнего дня к завтрашнему, как мирным путём изменить режим, его внешнюю политику, изменить его отношение к диссидентам, повлияв на руководство страны, заставив его серьёзно участвовать в поисках решений глобальных проблем. Иначе говоря он пытался вовлечь «их» в практическую дискуссию. Вполне предсказуемо они не хотели его слушать. Они оттолкнули его и превратили его в диссидента-*правозащитника*. Но и будучи правозащитником он так и не оставил своих попыток возобновить диалог с властями, начав с участия в Комитете прав человека (он был одним из его учредителей) и вплоть до своего реального участия в политической жизни страны во время *перестройки*. Его преждевременная смерть произошла в тот момент, когда его вклад и влияние, возможно, были бы наибольшими...

Идеи Сахарова всё ещё важны и попрежнему вызывают живую дискуссию в сегодняшней России.

Тимоти Колтон

Спасибо, Павел. Прошу меня извинить за напоминание о регламенте, поскольку ясно, что вам есть ещё много чего сказать, и я надеюсь, что у нас ещё будут okazji продолжить наш разговор и узнать больше. Спасибо за ваши яркие замечания.

Теперь, позвольте мне представить Юрия Орлова, которого сегодня уже несколько раз упоминали в предшествующих выступлениях. Юрий принадлежит к поколению Сахарова, он родился в 1924 году. Он работал в Москве в институте Теоретической и Экспериментальной физики. Его проблемы с режимом в Советском Союзе начались в середине 50-х годов, когда он стал предлагать проеты реформ советской системы, потерял из-за этого работу в Мокве, и его заставили перебраться на работу в Армению на несколько лет. Вернувшись в Москву, он занялся правозащитной деятельностью в 70-е

годы. В 1976 году он становится основателем Московской Хельсинской Группы, организации, которая была создана для наблюдения за выполнением Советскими властями Хельсинских соглашений. Как можно было ожидать, это привело к новому циклу преследований Юрия и в 1977 году он получил 12-летний приговор и отправился в Сибирь.

Его освободили в 1986 году в ранние годы горбачёвского периода. Его лишили гражданства и выслали за границу. С этого времени Орлов занимается теоретической физикой в Корнельском университете. Он член Американской Академии Искусств и Наук. Юрий Орлов поделится с нами своими размышлениями на тему о политических идеях советских учёных в период их формирования в 50 и 60-е годы и реакции советских учёных на знаменитую статью Сахарова.

Юрий Орлов – Орлов был офицером Советской армии с 1944 по 1946 год, закончил Московский Государственный университет в 1952 году. Он был исключён из Коммунистической партии и уволен с работы за речь в институте, в которой он развивал идеи демократии в 1956 году. Он нашёл работу в ереванском институте физики, где его избрали членом-корреспондентом Армянской АН. В 1973 году Орлов вернулся в Москву и начал работать в Институте земного магнетизма. Его уволили оттуда в 1973 году, после того как он стал одним из основателей первой в СССР группы Международной Амнистии. В мае 1976 Юрий Орлов организует и становится председателем московской Группы по Наблюдению за Хельсинскими соглашениями. В 1977 году его арестовывают и отправляют в лагерь. В октябре 1986 года его освобождают и высылают в Соединённые Штаты, где он работает в Ньюмановской Лаборатории Ядерных исследований Корнельского университета, в Брукхейвенской Национальной Лаборатории и Европейской Лаборатории Ядерных Исследований (СЕРН). Сейчас он профессор Физики и Правительства в Корнельском Университете. Юрий – автор книги «Опасные Мысли: Мемуары из Русской Жизни». Издательство Уильям Морроу, 1991 год.

Я познакомился с Сахаровым в 1967 году, а с Еленой Георгиевной в 1973 году, когда я навещал её и Сахарова в больнице Академии Наук, где ей лечили щитовидную железу, а Андрей Дмитриевичу проверяли сердце.

Организаторы конференции попросили меня выступить на тему политические взгляды советских учёных в 50 и 60-е годы и их реакция на статью Сахарова. Я решил не обращаться к литературе, существующей на эту тему, а вместо этого решил использовать себя в качестве «меченого атома», в особенности там где речь идёт о 50-х годах. Я много общался с ведущими советскими учёными в то время.

Прежде всего вспомним, что происходило в начале 50-х в СССР. Сталин был ещё жив. Согласно советской прессе врачи пытались отравить Сталина. К сожалению, это было

неправдой, но врачей посадили. Власти начали кампанию против «космополитов», генетиков, и пр. Была даже сделана попытка объявить теорию относительности Эйнштейна и Квантовую Теория Бора псевдо-научными концепциями, но эта кампания была остановлена приказом сверху. Я в то время был студентом Владимира Берестецкого. Может быть, Ричард Уилсон помнит Берестецкого. Введение в первое издание его «*Квантовой Электродинамики*» цитирует замечание Ленина, что электрон также неисчерпаем, как и атом. (Ленин, между прочим, был не дурак: то что он сказал об электроны, в общем, верно.) В более поздних изданиях Берестецкий и Ахиезер эту ленинскую цитату выбросили. Но удивительно, что ведущие теоретики, авторы основополагающего учебника по квантовой электродинамике цитировали Ленина в своём введении. Так жили в то время.

Поэтому постановка вопроса «Каковы были политические взгляды учёных в последние годы жизни Сталина?» не имеет никакого смысла, когда мы вспоминаем, что, вероятно, 15% всех учёных КГБ заставил писать доносы. В моей группе на физико-техническом факультете МГУ, по крайней мере, 25% студентов доносили друг на друга. Некоторые из них позже рассказывали мне об этом. В таких условиях глупо спрашивать об их политических взглядах.

Ситуация изменилась довольно быстро после анти-сталинской речи Хрущёва на XX съезде Коммунистической партии в 1956 году. Я был тогда молодым физиком в московском институте Теоретической и экспериментальной физики (ИТЭФ) и членом парткома. После речи Хрущёва меня попросили помочь организовать собрание коммунистов института для её обсуждения. Мы, члены парткома, отнеслись к подготовке этого партсобрания серьёзно, обсудили между собой кто что будет говорить.

Роберт Авалов, грузин по национальности и убеждённый марксист-ленинист, предложил, что для того чтобы избежать в будущем появление новых режимов типа сталинского надо выдать рабочим оружие. Мы все согласились с этим предложением и решили, что Авалов будет выступать первым.

Я был скорее теоретиком и, хотя я и считал себя марксистом, я не верил в исторический детерминизм. В своём выступлении я сказал, что несмотря на то что социалистическая система экономики правильная, политическая система может быть системой репрессий и террора. Я употреблял выражения «система террора» и «социалистическое, но недемократическое государство.» Я предложил, чтобы Советский Союз стал более либеральной системой по образцу Югославии. Я также говорил о моральной деградации советского народа с верха до низу.

Ещё один член парткома, Вадим Нестеров, говорил о свободе информации и задал вопрос, почему Советский Союз глушит BBC.

Все наши речи сейчас доступны для обозрения. Их перепечатали во многих местах в различных изданиях. Я был рад прочитать мою собственную речь :я многое из неё забыл.

Вот вам радикальные мысли молодых учёных того времени. Это были революционные идеи: вооружить рабочих для сопротивления бюрократическому режиму. Ещё раньше в 40-е года, будучи офицером Красной армии я додумался до того, что у нас не диктатура рабочего класса, а диктатура бюрократии.

Какова была реакция учёных на наши выступления? Все коммунисты института были исключены из партии, потому что они нас поддержали на собрании. От них потребовали письменного отречения от наших взглядов и раскаяния в том, что они не дали нам решительный отпор на собрании. Те, кто написал, как требовалось, эти отречения, получили обратно свои партбилеты. Нас, организаторов этого собрания, через неделю уволили с работы.

Директор ИТЭФ, Абрам Алиханов, вызвал нас в свой кабинет. Он объяснил, что он позвонил лично Хрущёву, чтобы вступить за нас, и Хрущёв ему сказал: « Я не один в Политбюро. Всё, что я могу вам пообещать, что я не допущу, что бы их арестовали.» Когда Алиханов попросил его не увольнять нас из института, Хрущёв сказал, что это невозможно. Алиханов закончил нашу встречу словами: «Если вы понимали, что вы делаете, то вы герои, если не понимали, то вы дураки.»

Когда я ещё работал в ИТЭФ, я познакомился с итальянским физиком-коммунистом Бруно Понтекорво в Дубне. В следующий раз я встретил его на улице Горького. Это было уже после того как меня уволили по приказу из Политбюро, и я в то время зарабатывал частными уроками, чтобы прокормить мою семью, где было двое маленьких детей. Он спросил меня, что же я сказал на том партсобрании. Я ответил ему, что я сказал, что нам нужна демократия, как основа социализма. Он мне возразил, что социализм и западная демократия несовместимы. Так он думал в то время.

В 1975 году, двадцать лет спустя, мы снова вернулись к этому разговору. И мнение Понтекорво не изменилось. Он сказал мне, что если я собираюсь, как он слышал, организовать демократическую партию, мы с ним станем врагами. Он не был особенно про-советским – он был про-итальянским. Он объяснил, что как член итальянской компартии, хотя она и отличается в какой-то степени от советской компартии, он обязан быть моим врагом. Вот такая у него была реакция.

Реакция учёных в новосибирском институте ядерной физики, ленинградском институте имени Иоффе, харьковском физико-техническом институте и московском лебедевском институте, а также в ИТЭФ реакция отличалась от реакции Понтекорво: там собирали деньги, чтобы нам помочь. Борис Чириков из новосибирского института дважды привозил деньги помочь моим детям. Герш Будкер на научном заседании спросил меня: « Ты что такой мрачный? Ты герой. Подбодрись!»

Вот такая была реакция, в основном нас поддерживали. Правда, Лев Ландау нас не поддержал, но для этого были особые причины, вы знаете его биографию. Его арестовали в 1938 году и освободили только в 1939 году после личного вмешательства Петра Капицы. Ландау считал 1956 год поворотным моментом в советском развитии, и ему не нравились наши выступления. Он сказал мне: «Если хочешь заниматься физикой, не произноси речей.» Он хотел, чтобы я занимался физикой. Он считал, что у меня есть способности.

Так было в 50-е годы. В 60-е годы большинство учёных молчало. Возможно, одной из причин этого было некоторое движение среди учёных в начале 60-х вступать в партию, чтобы «изменить её изнутри», как некоторые из них объясняли мне. Я относился к этому скептически и говорил, что они партию вряд ли изменят, а напротив она изменит их. Сейчас я думаю, что это было не настолько плохое явление для своего времени.

60-е годы были, разумеется, временем, когда диссидентское движение стало силой. И 1968 год был вершиной: в апреле появился первый выпуск Хроники текущих событий, в июле были опубликованы сахаровские «Размышления», в августе была демонстрация на Красной площади, где Павел Литвинов, Богораз и шесть других протестовали против Советского вторжения в Чехословакию. 20 мая 1969 года Инициативная Группа по Правам Человека, основанная Петром Якиром, Виктором Красиным и ещё пятнадцатью людьми, одним из которых был Сергей Ковалёв, выпустила обращение к Организации Объединённых Наций в защиту Советских политзаключённых. (ООН им тогда ничего не ответила).

Я в то время был сосредоточен на физике, я стал профессором и членом-корреспондентом АН Армении. Но после сперва статьи Сахарова, а затем демонстрации на Красной площади мне стало стыдно, что я после 1956 года ничего не сделал для развития демократии и прав человека. Так что 1968 год стал для меня поворотным моментом. Но мне не хотелось выходить с чем-нибудь незначительным. Если бы я просто открыл рот в Ереване, то на следующий день я был бы на пути к Уралу.

В 1973 году я стал одним из основателей первой группы Международной амнистии в Советском Союзе. В мае 1976 года после серьёзных размышлений я организовал Московскую группу по наблюдению за выполнением хельсинских соглашений и оставался её председателем вплоть до своего ареста в феврале 1977 года.

Как я уже сказал, статья Сахарова и демонстрация на Красной площади сыграли решающую роль в моей жизни в 1968 году. Что касается реакции учёных на Размышления, Павел Литвинов в своём выступлении описал её совершенно точно. Неважно, *что* было написано в статье Сахарова. Важно было что это написал *Сахаров*. Его положение как в науке, так и в советской политической структуре сделало появление этой статьи таким важным событием. Размышления полностью противоречили советской официальной линии. Сказать, что нам необходима демократизация уже было

преступлением, потому что мы уже по определению были самым демократическим государством в мире.

Многие советские учёные волновались за судьбу Сахарова. Герш Будкер, например, в частной беседе со мной спрашивал, как помочь Сахарову, если его будут преследовать.

В 60-е годы учёные в большинстве своём сочувствовали критикам режима, хотя многие из них не одобряли отправку этой критики за границу. Им это казалось непатриотичным.

Я боюсь, что у меня больше не осталось времени.

Тимоти Колтон

Последний участник нашей панели профессор Питер Реддевей, западный исследователь России и Советского Союза. Питер много лет преподавал в университете Джорджа Вашингтона, оттуда он ушёл на пенсию в 2004 году. До этого он был директором Кеннановского института по изучению России в Вашингтоне, до этого он был профессором в Лондонской школе экономики.

Я думаю, что среди всех исследователей Советского Союза в 70 и 80-х годах Питер воспринял появление диссидентского движения в СССР наиболее серьёзно. Я хочу сказать, что многие не думали, что это было важным явлением или что это заслуживало интереса. Иными словами консенсус был, что это интересно, но не очень значительно, что система крепка и что можно представить себе реформы изнутри системы, но не те фундаментальные изменения на которых настаивали некоторые диссиденты.

Питер чётко видел, что диссидентское движение было важным и интересным явлением. Его публикации включали общие работы по правозащитному движению и несколько работ, специально посвящённых употреблению психиатрического заключения как средства наказания и устрашения диссидентов. Питер занимался ещё многими вещами за свою длительную карьеру, но я сегодня упоминаю только его вкладо в изучение вопросов наиболее близко касающихся предмета нашей сегодняшней дискуссии. Он сегодня будет говорить о реакции советских властей на появление Сахарова в качестве диссидента.

Питер Реддавей – Почётный профессор политических наук университета Джорджа Вашингтона. Реддавей был до этого профессором Лондонской школы экономики, а с 1986 по 1989 директором Кеннановского института изучения России. Среди его публикаций: *Бесцензурная Россия: Движение за права человека в СССР (1972 год)*; *Трагедия Российских реформ (совместно с Дмитрием Глинским, 2001 год)*; *Динамика российской политики: путинская реформа федерально-региональных отношений (два тома в качестве редактора, совместно с Робертом Орттунгом).*

Спасибо, Том, за добрые слова обо мне. Я хочу прежде всего поблагодарить организаторов и спонсоров этой конференции, которая привлекла столь интересную группу участников. Я надеюсь, что такие конференции будут повторяться, к сожалению пока они редки.

Я хочу сказать, по крайней мере, несколько слов о западных откликах на появление первой статьи Сахарова в 1968 году прежде чем переходить к собственно теме моего выступления. Этих откликов было очень много, и они пришли из самых разных групп. Во-первых, это были эксперты по Советскому Союзу и его внутренней политике, во-вторых, эксперты по международным отношениям, в третьих, учёные, экологи, правозащитные группы и т.д.

Среди западных политиков интересным примером в этом отношении было выступление покойного Нельсона Рокфеллера, который в то время боролся за республиканскую номинацию в качестве кандидата в Президенты. Он сразу прочитал статью Сахарова и заявил, что если изберут президентом, то он будет последовательно и решительно проводить политику детанта между Соединёнными Штатами и Советским Союзом, используя программу столь конструктивно разработанную Андреем Сахаровым. Он добавил, что согласен с Сахаровым по фундаментальным вопросам.

Что касается западного анализа и библиографии в отношении статьи Сахарова, лучший из них принадлежит Владимиру Поремскому в его статье 1969 года, которую похвалил и Сахаров в своих мемуарах. Статья Поремского содержит детальный анализ и цитаты из высказываний уважаемых людей, включая многих учёных. Там также включена подробная библиография.¹ Ещё одна любопытное библиографическое наблюдение: Сахаров занимает третье место в мире по тиражу его работ, напечатанных в 1968-69 году согласно статистике Международной ассоциации издателей. В случае Сахарова к тому же важно, что ни одной другой его работы тогда опубликовано не было, тем не менее 18 миллионов копий напечатано по всему миру, феноменальная цифра. Восемнадцать миллионов. Мы в академическом мире счастливы, если больше 500 копий нашей работы напечатано. Авторы, чьи тиражи превзошли тогда сахаровские, были Мао Цзе Дун и Ленин. Агата Кристи была на четвёртом или пятом месте.

Самыми полезными источниками для моего сегодняшнего оказались, во-первых сами Воспоминания Сахарова, во-вторых, ценная книга под редакцией Джошуа Рубенстина и Александра Грибанова, Файл КГБ Андрея Сахарова (Издательство Йельского университета). Эта книга содержит 146 официальных документов, произведённых

¹ В.Д. Поремский «Дискуссия по меморандуму академика Сахарова в иностранном мире» - появилась в книге Меморандум Академика Сахарова: Текст. Отклики. Дискуссия. Издательство Посев, Франкфурт, 1969, стр.71 – 102. Среди учёных, чьи комментарии упомянуты: Поль Доти, Джеральд Пил и Эдвад Теллер. Сахаров отмечает эту статью в книге «Воспоминания. Том 1, Издательство «Права человека», Москва, 1996, стр. 400

советским руководством, посвящённых их попыткам повлиять на Сахарова, заставив его прекратить диссидентскую деятельность. Я хочу здесь обсудить первые двадцать документов, относящихся к раннему периоду деятельности Сахарова в качестве диссидента.

Последнее предварительное замечание, основанное на моих работах, посвящённых Советским официальным реакциям на выступления различных диссидентских групп и движений²: обращение властей с Сахаровым, особенно в начале его деятельности, не отличалось по существу от их обращения с другими диссидентами. Они применяли постепенно усиливающиеся меры наказания, сигнализирующие, что крайней меры – ареста, желательно и возможно избежать, если эти предварительные меры запугают его достаточно.

Позвольте мне привести несколько эпизодов, иллюстрирующих официальную реакцию на раннюю диссидентскую деятельность Сахарова.

Как и у большинства диссидентов, у Сахарова было то что можно назвать «предисторией» его несогласия с официальными нормами. Задолго до того, как он выступил публично в 1968 году, Сахаров уже в 1952 году ещё при жизни Сталина был диссидентом, часто высказывающим властям своё мнение. В этот период официальные ответы на его протесты, поданные иногда письменно, а иногда устно, когда персонально, а когда и вместе с другими людьми были зазнообразными.

Иногда ответом было: «никакого ответа», иначе говоря, молчание. Другая ситуация возникала, когда Сахаров сам походил к советским вождям. С Хрущёвым и Брежневым он был лично знаком, знал он и Андропова и ещё некоторых советских руководителей, и встречался с ними неоднократно. Всё обычно разворачивалось по одному сценарию: Сахаров обращался с жалобой или просьбой, и от него вежливо отмахивались, давая пустые обещания, которые ни к чему не приводили.

Хорошо известный эпизод произошёл во время встречи с Хрущёвым, когда Сахаров протестовал против ядерного испытания в 1961 году. Хрущёв резко и грубо раскритиковал Сахарова в присутствии других людей. Это было для Сахарова крайне неприятным опытом, но не заставило его прекратить свои протесты.

² Моя позднейшая статья на эту тему: «Примеры Советской политики по отношению к инакомыслию: 1953 – 1987» (2008, 30 стр.) выйдет в сборнике конференции по самиздату и альтернативным культурам в СССР и восточной Европе Бременском университете под редакцией Вольфганга Айхведе. Среди многих других источников моя статья ссылается на исключительно детальное и тщательно отредактированное исследование архивных документов по политике в отношении инакомыслия, выпущенных Политбюро и секретариатом КПСС и КГБ. (А.А. Макаров, Н.В. Костенко и Г.В. Кузовкин, редакторы, «Власть и диссиденты: Из документов КГБ и ЦК КПСС. Московская Хельсинская Группа, Москва, 2006.

Другой случай произошёл в начале 1967 года, когда были применены официальные меры запугивания, о которых я только что упоминал. Сахарова сняли с одной из должностей, которые он занимал и понизили его зарплату с 1000 рублей до 550 рублей в месяц.

В 1964 году был достигнут один из редких успехов в его гражданской деятельности произошёл, когда он и несколько его коллег сумели предотвратить избрание в академики члена-корреспондента АН Николая Нуждина, ставленника псевдо-учёного Трофима Лысенко. Власти не могли обойти правило, гласящее, что избрание Действительного члена Академии требует две трети голосов Действительных членов, и потерпели болезненное поражение.

Но, разумеется, резкий и драматический перелом в официальном обращении с Сахаровым произошёл в мае 1968 года. Он начался, когда «Размышления» попали в КГБ. В то время как Павел Литвинов получил одну копию работы от своего друга Валерия Павлинчука, машинистка передала другую копию в КГБ. В КГБ её прочитали и поняли, что это совсем неортодоксальная вещь, обсуждающая вопросы войны и мира, политики, экономики, экологии и т. д. Кроме того КГБ понял, что статья безусловно предназначена для широкой циркуляции и для того, чтобы стимулировать как можно более широкую дискуссию, а не для узкого круга читателей.³

22 мая 1968 года Андропов представил свой первый доклад советскому руководству и Политбюро о статье Сахарова. Через несколько дней Андропов приказал директору учреждения, в котором работал Сахаров, Юлию Харитону, немедленно поговорить с Сахаровым и убедить его отказаться от статьи и предотвратить её распространение в любой форме. 6 июня Харитон послушно побеседовал с Сахаровым и понял, что его переубедить не удастся. 13 июня Андропов посылает срочный доклад руководству КПСС, в котором он утверждает, что Сахаров становится центром притяжения для диссидентов и предложил, чтобы один из руководителей встретился с Сахаровым и попытался убедить его прекратить свою диссидентскую деятельность.

Ситуация накалилась ещё больше, после того как 6 июля перевод «Размышлений», сделанный Карелом ван хет Реве появился в голландской газете Хет Парооль. Павел Литвинов уже говорил об этом сегодня. 18 июля встревоженный Андропов – к этому моменту публикации на других языках уже начались – написал в Политбюро, утверждая, что ситуация обостряется, что диссиденты намеренно используют имя и престиж Сахарова в своей деятельности и даже намереваются создать оппозиционную политическую партию.

Следующий этап эскалации происходит 22-го июля, когда *Нью Йорк Таймс* опубликовала «Размышления». Через несколько дней после этого Ефим Славский, Министр Среднего

³ Этот параграф и большая часть нескольких следующих за ним представляет пересказ воспоминаний Сахарова о событиях 1968 года (Воспоминания том 1, стр. 390 – 401)

Машиностроения, в чьём ведении было проектирование и производство ядерного оружия, и которому подчинялся институт, в котором работал Сахаров, вызвал его к себе, очевидно, поскольку никто из членов Политбюро не был готов к разговору с Сахаровым. Славский настойчиво пытался убедить Сахарова публично отказаться от своей статьи и осудить её появление на западе, но тот отказался это сделать. Славский затем пустился в долгий и подробный разбор статьи, называя взгляды Сахарова или невежественными или ошибочными, искажёнными или так или иначе просто нежелательными. Себя Славский оправдывал тем, что его засыпали жалобами местные партийные руководители со всех коцов страны. Они все пишут, сказал он Сахарову: «Вы обязаны принять меры, чтобы прекратить вражескую пропаганду, создающую нам столько проблем в наших регионах.»

В конце разговора Славский сообщил, что он отстраняет Сахарова от работы в секретном институте по разработке атомных вооружений. Через год Сахарову предложили и он принял работу старшего Научного сотрудника в институте Физики АН им. Лебедева в Москве.

Через месяц, 21 августа, СССР ввёл войска Варшавского пакта в «братскую» Чехословакию. Нет сомнения, что жёсткая критика Ставского проистекала во многом из страха Кремля перед развитием событий в Чехословакии за предыдущие несколько месяцев и энтузиазме, выраженном в статье Сахарова по поводу подобного развития. Это безусловно стимулировало диссидентские настроения и деятельность в СССР.

Так или иначе, произошёл новый поворот событий. КГБ доложил Политбюро 26 августа 1968 года, что продолжающееся отсутствие официальной советской реакции на «Размышления», которое широко циркулирует по всему миру и обсуждается влиятельными людьми, привело многих дипломатов и экспертов за границей к мнению, что Кремль разрешил статье появиться умышленно. Почему? Потому что Кремль планирует последовать совету Сахарова и улучшить отношения с Западом, развивая своего рода детант.⁴

Но, несмотря на этот доклад КГБ, Кремль отказывается дать какой-либо публичный ответ на статью Сахарова. Насколько мне известно, они не отвечали в течение пяти лет – до 1973 года. Вместо этого, следующие два года (т.е до 1970 года) КГБ и руководство КПСС решили мириться с неприятной ситуацией, при которой Сахаров стал активным диссидентом. Несколько факторов сыграли свою роль в их терпении, хотя и неохотном. Во-первых Сахаров, действительно, ещё не присоединился ни к одной из диссидентских групп. Во-вторых, он не встречался лично с иностранными журналистами и не устраивал пресс-конференций. В-третьих, он больше не работал в секретных учреждениях.

⁴ Отметим, что СССР начал развивать политику, которая потом стала известной как детант только за год до этого, когда он стал улучшать отношения с Западной Германией, где тогда был канцером Вилли Брандт.

Однако, в ноябре 1970 года Сахаров нарушил статус-кво, организовав вместе с двумя своими друзьями Комитет Прав Человека. Этот комитет стал активно защищать права человека, объединяясь в своей деятельности и с правозащитниками, которые не были его членами. Комитет привлёк к себе много внимания как внутри страны, так и за границей, о чём Андропов сделал срочный доклад Политбюро⁵. Самым серьёзным моментом, с точки зрения Андропова, было то, что Комитет Прав Человека воспринимался как советскими людьми, так и иностранными наблюдателями и активистами как ядро оппозиции, в некотором смысле разрешённой и легальной, поскольку власти ничего не делали по её поводу. Андропов предупредил, что это создаёт опасный прецедент.

Главной рекомендацией Андропова – и он повторил её в четырёх докладах политбюро подряд в течение трёх месяцев в 1971 году – было, чтобы один из главных членов партийного руководства встретился с Сахаровым и попытался убедить его прекратить свою диссидентскую деятельность. В четвёртом докладе он даже предложил, чтобы Брежнев, который знаком с Сахаровым лично течение многих лет, сам взялся за это дело и поговорил с ним.⁶ На это третий по значению член Политбюро, Подгорный (которого, я подозреваю, попросил это сделать сам Брежнев) предложил, чтобы это сделал напротив кто-нибудь из младших членов Политбюро, Устинов или Демичев.⁷

Джошуа Рубенстин и Александр Грибанов убедительно показывают в своей книге, что, вероятной причиной нежелания ни одного из них предложить свою кандидатуру для разговора с Сахаровым, было понимание, что шансы на успех такого мероприятия были ничтожны. Сахаров почти наверняка бы продолжил свою деятельность, и вдобавок бы опубликовал подробную запись своего разговора и распространил бы её в мировой прессе.

Через два года в августе 1973 года Андропов опять попытался уговорить одного из членов политбюро поговорить с Сахаровым, но опять никто не вызвался. Вместо этого Политбюро решило приказать заместителю Генерального Прокурора СССР Михаилу Малярову встретиться с Сахаровым для беседы. Но Маляров (без сомнения действуя по инструкциям Политбюро), во время этого разговора главным образом угрожал Сахарову арестом, если он не прекратит своей диссидентской активности. Никакой попытки серьёзной дискуссии с Сахаровым или усилий склонить его на свою сторону сделано не было.⁸

Намного позже, в ноябре 1986 года, на заседании Политбюро, где было принято решение о возвращении Сахарова из ссылки в Горьком, Горбачёв прокомментировал многократный отказ руководства вступить с Сахаровым в прямую дискуссию таким

⁵ Рубенстин и Грибанов

⁶ Там же

⁷ Там же

⁸ Там же

образом: «Если бы мы поговорили бы с Сахаровым раньше, возможно вся эта ситуация никогда бы и не возникла».⁹

Так или иначе вызов к Малярову ознаменовал начало ожесточённой кампании против Сахарова в Советской прессе. Хотя и через пять лет после публикации «Размышлений» атака на них началась. Тем не менее власти довольно скоро поняли, что количество отрицательных откликов на их действия как внутри страны, так и за границей было настолько велико, что после трёх недель атака прекратилась без запланированного ареста Сахарова. Среди многих других факторов властям стало ясно, что продолжение этой кампании подорвёт их текущую политику детанта с Западом.

Таким образом арест Сахарова отложился и произошёл только через семь лет после вторжения советских войск в Афганистан и полного провала политики детанта с западом. Цена, которую власти должны были заплатить за его арест – «в политическом и экономических потерях» упала на достаточно низкий уровень, и они решили эту цену заплатить.

Тимоти Колтон

Спасибо, Питер. Я вижу в аудитории ряд исследователей, изучающих науку и интеллектуальную историю в Советском Союзе, Поля Джозефсона, Лорана Грэма, Дэвида Холлоуэя, Бена Натанса, и, наверное, здесь есть и другие, кого я ещё не видел. Один из интересных вопросов для тех, кто интересуется этой проблематикой, мне представляется – и, возможно, кто-нибудь уже этим занимается, это вопрос о том: как глубоко проникали эти идеи не только через барьеры профессиональных контактов, но так же и территориально, насколько широко самиздат передавался из рук в руки в провинции или хотя бы устно обсуждался.

Борис Ельцин, чью карьеру я серьёзно изучал, был в то время фигурой провинциального масштаба, далеко от Москвы. Горбачёв появился в Москве намного раньше Ельцина, и, как я понимаю, Билл Таубман расскажет нам здесь сегодня о связи между Горбачёвым и Сахаровым. У Ельцина ничего такого не было. Выяснилось, что в Свердловске была, крохотная, группа диссидентов (факт, меня несколько удививший), которую КГБ постоянно преследовал, и эти люди совершали отчаянно смелые поступки: разбрасывали листовки на параде в честь октябрьской революции, распространяли разного рода прокламации, некоторых из них ловили и наказывали, других не сумели обнаружить. Они распространяли и самиздат, так что там должна была циркулировать и статья Сахарова.

Ельцин сам сказал мне, что он читал *Архипелаг Гулаг* Солженицына ещё когда он был первым секретарём райкома; книгу принесла ему жена, которая получила её от кого-то на работе. Он не упомянул Сахарова, наверное, интересно узнать видел ли он и его работы.

9

Хочу здесь напомнить об одном событии, это было в 1983 году в один из глухих моментов последних советских лет. Андропов в это время был Генеральным Секретарём. Шла идеологическая кампания. Сахаров находился в ссылке, и Ельцин выступил на региональном пленуме КПСС, где он обрушился на местного диссидента Валериана Морозова, который в тот момент, я думаю, был помещён в психбольницу. Уже находясь в заключении он продолжал писать письма Брежневу и другим вождям партии, критикуя различные аспекты советской жизни. Ельцин, желая продемонстрировать насколько ужасный тип этот Морозов сказал: «И ещё он планировал посетить в Горьком широко известного антисоветчика Сахарова». Ельцин не сказал Андрея или Андрея Дмитриевича, а просто «Сахарова». Это было в 1983 году. И, как известно, через шесть лет Ельцин и Сахаров уже оба - члены Межрегиональной группы депутатов, так что интересно было бы проследить эту эволюцию, до какой степени она проистекает из провинциального опыта Ельцина.

Однако, сейчас я бы хотел попросить слушателей прокомментировать выступления и задать вопросы докладчикам.

Светлана Савранская

Рой Медведев в книге об Андропове, да и в других своих книгах, утверждает, что существовала своего рода связь между Андроповым и Сахаровым, по крайней что ли уважение по отношению к Сахарову, подразумевая, что существовала переписка между ними. Я нигде не видела ни следа этой переписки. Известно ли что-нибудь об этом?

Тимоти Колтон

Это весьма конкретный вопрос, Питер Реддевей, вероятно, больше других знает об этом, но может быть среди присутствующих в зале кто-нибудь тоже могут быть люди знающие об этом.

Питер Реддевей

Я знаю о двух прямых разговорах между ними. Первый состоялся в 1967 году, когда Сахаров позвонил Андропову с просьбой вмешаться в судьбу заключённого писателя Юлия Даниэля. Позже Сахарову другой крупный чиновник сказал, что Даниэль будет амнистирован до конца года. Это обещание властей выполнено не было.¹⁰

Второй разговор произошёл, когда Сахаров позвонил Андропову через несколько дней после Демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года против вторжения в Чехословакию, в которой среди других участвовал член нашей панели и между ними была краткая беседа. Сахаров пытался убедить Андропова отпустить демонстрантов на свободу и не приговаривать их к заключению. Они, разумеется, уже были в тюрьме.

¹⁰

Андропов пытался скорее отвязаться от Сахарова, говорил, что он крайне занят в связи с событиями в Чехословакии, но Сахаров настаивал, и Андропов закончил разговор, сказав Сахарову, что «он думает, что приговоры не будут суровыми»¹¹

В обоих случаях звонил Сахаров.

Что касается двусторонней переписки между ними, я не думаю, что она существует. Но, конечно, весьма вероятно, что Андропов читал большую часть писем, которые Сахаров посылал Советскому руководству, а несколько писем Сахарова были адресованы Андропову лично.¹² Насколько я знаю, он ни разу не получил на них ответа от Андропова в письменной форме.

И последнее, я хочу отметить, что Сахаров неоднократно выражал сомнение по поводу информации которую он получал от Роя Медведева, приходившую к последнему якобы из высоких партийных кругов.

Тимоти Колтон

Павел, есть ли у тебя что-нибудь добавить к этому?

Павел Литвинов

Я знал о звонке Сахарова к Андропову и думаю, что он, вероятно, сыграл свою роль в том, что наши приговоры были мягче: ссылка для меня и Богораз вместо лагеря. Мне кажется, что Питер ответил на всё здесь.

Татьяна Янкелевич

Я хочу прокомментировать вопрос, поднятый Павлом. Я хорошо помню в сахаровской телефонной книге, которую он тщательно оберегал была запись Юрий Владимирович Андропов и дальше был номер его канцелярии. В 1970 году было много звонков между Андреем Дмитриевичем и этой канцелярией, но насколько я помню, тогда ни разу не было прямых бесед между ним и Андроповым. Последний раз, наверное, и был тот разговор о демонстрантах на Красной площади. Но я также помню, как несколько раз Сахаров обращался в защиту политзаключённых лично к Андропову.

У меня есть вопрос к Юрию Орлову. Какова была реакция Советских учёных, в частности, физиков Лебедевского института на призыв Сахарова к всеобщей забастовке и требованию отмены 6-ой статьи Советской конституции? Мне вспоминается, что реакция некоторых учёных была довольно скептической: раньше в 1970 году они воспринимали Сахарова как своего рода блаженного, призывающего ко всяким идеалистическим вещам, не имеющим отношения к реальной действительности. На собрании в лебедевском

¹¹

¹²

институте незадолго перед смертью Сахарова 14 декабря 1989 года Академик Гольданский очень резко выступил против призыва Сахарова к всеобщей забастовке.

Юрий Орлов

Я не думаю, что в тот момент существовало единство во мнении учёных насчёт всеобщей забастовки. Я хорошо знал Гольданского. Он был хороший человек в обычном смысле этого слова. Он никогда не писал доносов, и его взгляд на мир был либеральным.

Как я помню, типичным мнением среди советских учёных в тот момент было такое: критиковать Горбачёва опасно для советского общества. Горбачёв – это новый очень либеральный царь. Так же, добавлю, его в тот момент рассматривали и на Западе. Когда я критиковал Горбачёва в своём выступлении в Американской академии искусств и Наук, это было там многими воспринято с неодобрением: «Чего вы хотите? Чтобы какой-нибудь генерал пришёл к власти?» Так что в то время это было общим местом как здесь так и там, что критиковать действия Горбачёва было ошибочно.

Но вот насчёт более раннего времени, я бы добавил, что не всех, кто подписывал письма против Сахарова в 1973 году заставили это сделать. Это не так.

Один бюрократ из Академии сказал мне, что некоторые академики регулярно доносили в КГБ. Они не были плохими учёными, но КГБ их продвигал, потому что они с ним сотрудничали. Не все учёные – хорошие люди: мы это знаем на примере нацистского опыта.

В СССР были учёные, которые были против Сахарова, хотя я лично не знал ни одного. Но были такие люди как Яков Зельдович, например. Он понимал суть режима очень хорошо. Когда его в первый раз пустили в Соединённые Штаты он встретился со мной, при встрече меня обнял с чувством. Но был один случай, когда он выступил в Академии Наук против Сахарова. Он был одним из людей, заражённых страхом со сталинских времён. Валентин Турчин написал книгу «Инерция Страха» о рецидивах этой болезни.

Тимоти Колтон

Я попрошу Павла сделать короткое добавление к этому.

Павел Литвинов

Я просто хотел напомнить, что молчаливое большинство советской элиты, не только учёные и писатели, но все те, которые после смерти Сталина, вздохнули свободнее, стали чувствовать, что постепенно открывается какая-то новая жизнь в Советском Союзе, симпатизировали идеям Сахарова. В то же время они не просто продолжали быть заражены инерцией страха - многие из них искренне верили, что нельзя раскачивать лодку. Была такая писательница, Мариэтта Шагинян, которая говорила: «Я ненавижу

таких как Солженицын, которые стравливают партию и интеллигенции». Было у таких людей ощущение, что если молчать, всё постепенно само станет лучше. Эти люди уже идентифицировались с системой, хотя в глубине души они были вполне либеральны в своих взглядах и постепенно сближались в своих отношениях, я бы сказал, с современным средним классом.

Тимоти Колтон

Я даю заключительное слово профессору Уилсону

Ричард Уилсон

Я бы хотел прокомментировать одну мысль, которую я слышал от советских учёных в наших частных разговорах в 70-е годы, и её развил и подтвердил Пётр Капица, у которого были свои разногласия с правительством и который был один раз уволен и был без работы в течение пяти лет. Он считал, что учёные согласны практически с каждым словом Сахарова. Но при этом Капица считал, что они должны продолжать работать внутри системы. Я бы назвал такое отношение «Викторианским подходом». Но интересно, что в 1987 году, последний раз, когда я видел его жену Анну Капица, она сказала мне: «Андрей Сахаров научил нас одной вещи. Очень важной вещи. Ты должен встать и сказать: Нет.»